

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.12.62>

Губина Елена Анатольевна

ГРАФЕМНЫЙ АРСЕНАЛ ТЕКСТА КАК КАТЕГОРИЯ ТЕКСТОВОГО И ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА

В статье вводится новая категория "графемный арсенал текста", которая отражает состав графем, используемых при создании отдельного текста. Новизна предлагаемого подхода заключается в том, что он позволяет описывать как стандартные тексты, так и тексты с неконвенциональной графикой (смещение алфавитов, изобретенные автором графемы, переосмысление графем и под.). Результаты исследования показывают, что графемный арсенал текста детерминирован дискурсивно: замыслом текста, его принадлежностью к дискурсу, стилю, жанровыми конвенциями, метаязыковыми установками автора, средствами создания текста и т.д.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/12/62.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 12. С. 308-313. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/12/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81; 003.03

Дата поступления рукописи: 07.11.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.12.62>

В статье вводится новая категория «графемный арсенал текста», которая отражает состав графем, используемых при создании отдельного текста. Новизна предлагаемого подхода заключается в том, что он позволяет описывать как стандартные тексты, так и тексты с неконвенциональной графикой (смешение алфавитов, изобретенные автором графемы, переосмысление графем и под.). Результаты исследования показывают, что графемный арсенал текста детерминирован дискурсивно: замыслом текста, его принадлежностью к дискурсу, стилю, жанровыми конвенциями, метаязыковыми установками автора, средствами создания текста и т.д.

Ключевые слова и фразы: языковая графика; графема; графемный арсенал текста; алфавит; дискурс.

Губина Елена Анатольевна, к. филол. н.
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону
elena_gubina@mail.ru

ГРАФЕМНЫЙ АРСЕНАЛ ТЕКСТА КАК КАТЕГОРИЯ ТЕКСТОВОГО И ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА

Лингвосомиотический подход к дискурсу не может не учитывать такого относительно автономного измерения текста, как его графическая сторона. Существует хорошо аргументированное предположение, что создание письма, в особенности фонетического, стало первым существенным проявлением рефлексии о языке и его структуре [25]. В последнее время лингвистика уделяет большое внимание визуальности текста и его плану выражения, что обусловлено и ростом грамотности, увеличивающим удельную долю письменной речи, и технологическими изменениями, которые подчас кардинально меняют саму практику письма. **Актуальность** исследования обусловлена тем, что существующие категории недостаточно пригодны для описания явлений, характеризующих графемный облик отдельного текста. **Научная новизна** исследования заключается во введении категории «графемный арсенал текста», которая позволяет преодолеть ограничения как «алфавитоцентричного» подхода к языковой графике, так и расширенного ее понимания, ведущего к утрате границы между средствами, определяющими графический облик текста, и письмом в целом.

Основная **цель** исследования заключается в обновлении категориального аппарата, обеспечивающего осмысление графических особенностей отдельных текстов, включая тексты с нестандартным графемным оформлением. Цель определила **задачи** исследования: 1) показать недостаточность существующих представлений для описания графемного облика текста и механизмов его формирования; 2) продемонстрировать применимость категории графемного арсенала текста при анализе графемного облика отдельных текстов и их групп, а также его дискурсивной детерминации. При решении данных задач использовались следующие **методы**: анализ, синтез, мысленный эксперимент, системный и структурный анализ.

Буквальное отождествление «фонема – графема», предполагающее приравнение графемы к букве, имеет длительную традицию в науке и было исходным при формулировании понятия графемы. Подобное отождествление встречается уже у И. А. Бодуэна де Куртенэ, который является автором термина «графема» [3] (ср. [9, с. 80; 13, с. 80]). Нельзя сказать, что подобное подчинение понятия графемы единицам фонетической системы было абсолютно ошибочным и бесплодным. Во-первых, абсолютизацию соответствия между фонетической и графической системами можно объяснить открытием системных отношений между фонемами, что проложило дорогу для строгого формального описания; это обусловило повышенный интерес к отражению системы фонем на письме. Во-вторых, соответствие «фонема – графема» действительно наиболее полно передает идею фонетического письма и должно рассматриваться как его ведущий принцип и даже «замысел» (хотя очевидно, что фонетическим письмом в чистом виде является разве что лингвистическая транскрипция). В-третьих, проекция на описание системы графем (как рукописных, так и печатных) принципов фонологического анализа, выработанного структурализмом, в частности методов бинарных оппозиций и различительных признаков [4, с. 12-24; 12; 15, с. 76-78; 19, с. 75; 23], представляется крайне продуктивной. Впрочем, такая проекция вряд ли делает неизбежным изоморфизм графем и фонем: методы, выработанные в фонологии, должны применяться ко всем элементам письменной речи без исключения, а эти элементы вряд ли возможно свести к буквам.

Анализ, даже самый поверхностный, показывает, что графическая система «фонетического» письма оказывается гораздо более сложной и неоднородной, чем система фонем. Именно поэтому появились работы, в которых развивается точка зрения на графическую систему языка, не предполагающая прямого отображения фонетики в графику. В такой перспективе мы приходим к необходимости расширенного понимания графемы, в соответствии с которым в число графем следует включать также вспомогательные символы (знаки препинания), символы идеографической природы (знаки математических операций, символы вроде №, §, \$, ¥ и под.); кроме того, имеются основания рассматривать как различные графемы строчные и прописные буквы [8; 22, р. 194; 26, р. 10, 15-16]. Изучение соответствия между фонемами и графемами оказывается частной областью исследования представления речи посредством письма. Кроме того, нельзя игнорировать относительную автономность письменной речи, которая функционирует независимо от речи устной, параллельно ей, иногда даже оказывая обратное влияние на устную речь.

На основании проведенного нами анализа можно сформулировать несколько соображений, которые свидетельствуют в пользу того, что графические средства, обычно рассматриваемые как внешние по отношению к системе графем (ср. категорию «синграфемика» в популярной классификации А. Н. Баранова и П. Б. Паршина, к которой относится пунктуационная разметка текста, то есть знаки препинания [2, с. 9]), не следует выносить за пределы графики.

1. И пунктуация, и идеографические знаки связаны с письменным высказыванием самым тесным образом, хотя связь эта проявляется по-разному. Пунктуация является неотъемлемой частью письменного высказывания и по факту неотделима от него. Мы можем представить себе текст без пунктуационного оформления, однако подобные явления принадлежат к периферии современной письменной практики, поскольку отсутствие пунктуации осмысливается либо как ошибка, либо как яркий, экспрессивный прием (ср. повествовательную технику «потока сознания», которая часто сочетается с отсутствием пунктуации). Идеографические знаки в письменном тексте обычно заменяют собой слова или другие компоненты, а потому не могут быть устранены из высказывания. Например, письменные высказывания *Тарифы ЖКХ понизились на 5%* и *Тарифы ЖКХ понизились на пять процентов* в плане семантики, лексического наполнения и грамматической структуры являются равнозначными, различия между ними обусловлены способом кодирования информации и носят преимущественно стилистический характер.

В своей основной функции все графемы обслуживают нужды письменной передачи вербальных высказываний и, как правило, не могут существовать вне письменного текста. Изолированное использование некоторых знаков препинания (вопросительного, восклицательного знака) представляет собой особое явление, во многом не соответствующее норме и узусу. И даже при изолированном употреблении данные знаки передают паравербальную реакцию или внутреннюю речь (ср. выноски в комиксах, где последовательность восклицательных знаков может обозначать внезапную догадку, а последовательность вопросительных знаков – недоумение).

2. В целом неалфавитные символы графически интегрированы в текст и вместе с алфавитными символами образуют единую систему. Это также проявляется в том, что визуальное оформление графем тяготеет к унификации.

2.1. И алфавитные, и неалфавитные знаки образуют дифференцированную систему, которая позволяет однозначно отличить их друг от друга. Прямая аналогия с системой фонем в этом случае не работает, поскольку системные отношения между алфавитными графемами и, например, цифрами или знаками пунктуации принципиально не отличаются от системных отношений, противопоставляющих друг другу алфавитные графемы. Форма, относительная величина графем, их положение относительно строки – все эти признаки обеспечивают дифференциацию графем в составе системы. Другими словами, аналогия с системой фонем как минимальных дискретных элементов речевой цепи требует, чтобы в систему были включены как алфавитные, так и неалфавитные, как идеографические, так и вспомогательные неалфавитные графемы. Только в этом случае описание плана выражения письменной речи будет системным и удовлетворяющим дескриптивным процедурам, выработанным структурно-системным подходом к языку и предполагающим исчерпывающий (а не выборочный) охват элементов письменной речевой цепи.

Осмысление графической системы языка как средства отражения фонетической структуры речи правомерно рассматривать как одно из проявлений логоцентризма, исходящего из абсолютного приоритета устной речи по отношению к речи письменной [7]. Инвертирование отношений между устной и письменной речью, разумеется, невозможно: исторически устная речь предшествует письменной, проговаривание является неотъемлемым моментом создания текста, а сущностной чертой письма, отличающей его от пиктографической предписьменности, является репрезентация языковых структур (слов, слогов, звуков) [5, с. 22; 20, с. 41-42]. Однако мы не можем отрицать автономности развития письменной речи, а также обратного воздействия, которое письмо оказывает на устную речь. Элементарное проявление автономности письменной речи представляет собой, например, тот факт, что письменная речь позволяет различать омографические имена собственные и нарицательные вроде рус. *гжель* – *Гжель*, *орел* – *Орел*, англ. *march* (глагол 'идти') – *March* (название месяца), *Turkey* (название страны) – *turkey* ('индейка'), которые в устной речи различаются лишь косвенно, с опорой на семантику, лексическое окружение, грамматико-синтаксический контекст. В этом смысле приоритет внешних отношений, предполагаемый параллелизмом между системой фонем и системой графем, вряд ли полностью оправдан при изучении системы письменного языка, которая обладает собственной логикой и не детерминируется исключительно ее отношением к системе устной речи. Фонетическая и графическая системы языка отчетливо асимметричны.

Что касается различий внутри системы письменного языка, то мы можем говорить, например, об особом статусе пунктуационных знаков, значительная часть которых (точка, запятая, тире) занимает относительно строки особую позицию, не заполняя ее полностью. Однако этот признак является внутренним и не распространяется на все знаки препинания: в вертикальном измерении другие знаки препинания равны либо строчной букве (двоеточие, точка с запятой), либо прописной букве (вопросительный, восклицательный знаки). Точно так же размер цифр типично соответствует размерам заглавных букв. В то же время все эти знаки по своей форме являются противопоставленными всем остальным знакам, и особое положение в строке, характерное для некоторых знаков препинания, оказывается одним из дифференциальных признаков.

2.2. И пунктуация, и идеографические знаки в конкретном тексте имеют те же графические свойства, что и алфавитные знаки, и унифицированы в рамках типографской гарнитуры (шрифта). Это означает, что стиль исполнения, размеры букв, цвет и другие значимые качества и для алфавитных знаков, и для пунктуационных и идеографических знаков являются общими, а все эти знаки мыслятся как единый набор. Кроме того,

и алфавитные, и неалфавитные знаки подчинены правилам линейного расположения текста, то есть одинаково интегрированы в рамках линейной строки. В контексте цифровой коммуникации гарнитура в идеале охватывает все знаки, которые могут встретиться в тексте на любом языке. Даже сочетание в составе письменного высказывания букв разных гарнитур является значимым приемом, хотя обычно не вносит ничего существенного в смысл и грамматическую структуру текста.

3. Наконец, важную роль играют установления, определяющие современную практику письма. Письмо традиционно отождествляется с алфавитом, что, как уже было указано, воплощает скорее проект чистого фонетического письма, чем реальную практику. Значимость алфавита как упорядоченной последовательности графических знаков и в плане функционирования письменной коммуникации, и в более широком культурном контексте вряд ли можно отрицать, особенно с учетом той роли, которую алфавит играет в любой письменной культуре. Будучи основой при обучении чтению и письму, алфавит одновременно развивает коннотативные смыслы, создаваемые именами букв и их символическими интерпретациями, и организуется как текст [9; 13; 14].

Однако в наши дни приобретают влияние другие нормативные последовательности или наборы символов, что дает основания для пересмотра статуса алфавита. В качестве примера можно привести последовательности символов в компьютерных кодировках (ASCII, Unicode), а также графем на клавиатуре. Причины формирования таких комплексов могут быть разными: кодировки создаются для передачи текстовой информации в электронной среде, расположение символов на клавиатуре определяется их частотностью (менее частотные символы тяготеют к периферии клавиатуры) и функциональными различиями (ср. деление букв и цифр), а устойчивость их расположения – унификацией, благодаря которой пользователь может применять тот же набор навыков в любых условиях. Эти комплексы функционируют иначе, чем алфавит, и влияние их на письмо является косвенным. Тем не менее эти последовательности и наборы играют очень важную роль в функционировании письменной системы языков, поскольку они как минимум определяют набор символов, доступных в определенных контекстах. Ранние кодировки вроде ASCII включали всего 128 символов, что вынуждало пользователей ограничиваться этим числом графем; в настоящее время благодаря кодировке Unicode в компьютерной среде потенциально доступны любые распространенные символы, что чрезвычайно расширяет возможности пишущего, однако введение нестандартного или авторского символа оказывается проблематичным. Эти наборы знаков способны пошатнуть «монополию» алфавита, существовавшую на протяжении веков в европейских культурах.

Таким образом, графемы (в широком смысле этого слова) образуют систему, единство которой поддерживается не только дифференциальными отношениями между ее элементами, но и их визуально-стилистическим единством, а также тенденцией объединять любые графемы в одну чрезвычайно расширенную категорию. Однако расширенное понимание графемы может показаться разрушительным для любого позитивного исследования письменной речи, поскольку в итоге потенциально набор графем должен включать знаки других письменностей, символы и идеограммы, пикториальные элементы, а в составе текста потенциально могут соединяться любые группы графем, принадлежащих к разным алфавитам и неалфавитным категориям. Другое возможное возражение состоит в том, что, поскольку мы исходим из возможности соседства в конкретном тексте любых графем, объектом исследования становится письмо в целом, причем даже тогда, когда мы изучаем письменные тексты на конкретном языке.

Однако в действительности такой подход не предполагает ни отказа от существующих разграничений (включая понятие алфавита), ни отказа от представления о графической норме или нейтральном визуальном облике текста. В этом случае важным оказывается не стандартизированный (и ограниченный) набор знаков, который существует *до* любого текста, а набор знаков, который использует при создании текста его автор. Такие наборы знаков, характеризующие отдельные тексты или их группы, мы предлагаем называть **графемным арсеналом текста**. В большинстве случаев тексты, созданные на некотором языке, в плане их графемного состава не отличаются или мало отличаются друг от друга; в рамках любого дискурсивного сообщества, каковым является сообщество носителей языка, может быть выделен набор ядерных (типичных) графем, и именно этот набор формирует имплицитное представление о графической норме. Однако имеются ситуации, когда такой конструкт, как графемный арсенал текста, является уместным, поскольку автор по каким-то соображениям расширяет или сужает набор используемых символов (по отношению к некоторому стандартному, нейтральному набору).

Графемный арсенал текста (группы текстов, дискурса) не совпадает с алфавитом и не обязательно ограничивается графемами, кодифицированными в некоторой письменности, поскольку, например, в тексте могут совмещаться элементы разных письменностей. Типичным случаем является внедрение в текст графем различных письменностей (русской и английской, английской и китайской и т.п.), которое возникает либо в научном контексте при необходимости приводить примеры, фамилии или цитировать тексты на языке, отличном от основного языка статьи, либо в ситуации, когда адресант и адресат являются билингвами. Как совмещение в составе графемного арсенала различных алфавитов можно также интерпретировать графические макаронизмы, то есть смешение разноязычных графем [14, с. 213], которые обычно дискурсивно мотивированы установками на воздействие, повышение экспрессивности и/или информативной плотности текста (ср. *Словарь иностранных слов*). Во всех этих случаях графемный арсенал текстов или высказываний шире, чем алфавит или даже набор графических символов, кодифицированных в составе некоторой письменности. Максимально радикальным проявлением этой возможности является выбор чуждой графики, например передача русского текста латиницей, что может быть обусловлено либо недоступностью русских графем в компьютерной среде, либо стремлением пишущего особым образом позиционировать себя и свое сообщение. Существующие представления о письме вряд ли дают адекватные средства для осмысления таких явлений.

Графемный арсенал конкретного текста, будучи формально-количественным признаком, всегда коррелирует с содержательными, структурными и стилистическими аспектами текста, нормой и узусом, установками и целями автора, техническими условиями создания текста и т.д., то есть его принадлежностью к тому или иному дискурсу. Рассмотрим такой в некоторых отношениях элементарный случай, как непунктуированный художественный текст. Эта стратегия уже была рассмотрена нами [6], хотя и в плане системы пунктуационных знаков. Графемный арсенал текста, в котором отказ от знаков препинания проведен последовательно на всем его протяжении, отличается от графемного арсенала «стандартного» текста, в котором знаки препинания используются в соответствии с нормами. Подобные тексты обладают отчетливой графической спецификой, поскольку в них отсутствуют знаки препинания, а заглавные буквы либо не используются вовсе, либо используются заметно реже (например, только при передаче собственных имен). За отказом от пунктуации стоят авторские интенции, в частности адекватная передача нерасчлененности потока сознания и языковой эксперимент. В силу того, что эта форма закрепилась, мы вправе утверждать, что графемный арсенал, в котором знаки препинания по стилистическим соображениям исключены, является признаком более или менее широкой совокупности текстов (фактор жанра).

Другим примером может служить научный текст, который с точки зрения используемых в нем графем заметно отличается от текстов других стилей в силу того, что в нем используются особые знаки структурирования, неуместные в текстах других стилей (например, §), чаще используются цифры для передачи точной информации (даты, страницы, количественные показатели и т.д.), формулы. Особо следует отметить математические тексты, в которых для обозначения логико-математических объектов и операций вводятся символы, в том числе неконвенциональные авторские; данные символы обычно выбираются таким образом, чтобы обеспечить их смысловозначительную функцию, а следовательно, должны заметно отличаться от остальных символов, применяемых в тексте. Совокупность этих явлений позволяет говорить о наличии особого графемного арсенала либо научного дискурса в целом, либо частных дискурсов в его составе.

Наконец, любой автор может внедрить в собственный текст символы, которые были им изобретены, то есть отсутствуют даже на периферии узуса (именно так возникают новации, которые затем либо отбрасываются, либо закрепляются в узусе/норме). В качестве примера приведем такой не получивший нормативного закрепления знак препинания, как *interrogang* (?) – вопросительный и восклицательный знаки, наложенные друг на друга. Данный знак функционально эквивалентен линейным сочетаниям знаков *?!*, *?!!* и под., поскольку передает риторической вопрос, удивление и т.д. [21, р. 186; 24, р. 268]. Этот знак легко воспроизвести от руки, однако возник он в контексте использования печатных машинок, которые допускают наложение знаков друг на друга посредством сдвига каретки в обратном направлении или сдвига листа. При типографской печати текста такой знак может быть введен лишь при условии создания особой литеры, и этим фактом исследователи объясняют то, что данный знак препинания распространения не получил (даже несмотря на то, что компании Remington и IBM в определенный момент включили его в состав клавиатур) [24, р. 269]. В компьютерных текстовых редакторах знак путем наложения двух графем также введен быть не может. В настоящее время этот знак кодифицирован в Unicode (U+203D), что делает его потенциально доступным любому пишущему. Последнее, впрочем, не означает, что в компьютерном контексте он может быть во всех обстоятельствах беспрепятственно введен: не каждый шрифт предлагает знаки для всех символов Unicode, и не все компьютерные средства создания текстов и сообщений дают доступ ко всем символам Unicode (ср. текстовые редакторы или программы верстки в противопоставлении неспециализированным средствам ввода текста).

В связи с этим примером следует также поставить вопрос о том, в какой степени инструменты создания текста являются частью дискурсивного контекста. В плане графического облика текста ответ на этот вопрос должен быть положительным, поскольку способ создания текста (рукописный, типографский, посредством печатной машинки или компьютера) накладывает ограничения на набор доступных символов, а также на возможность их создания, модификации, трансформации и т.д. Различия, обусловленные инструментами создания письменного текста, по всей видимости, следует поставить в один ряд с различиями между устной и письменной речью.

Добавим, что в исторической перспективе введение знаков препинания, которые появились заметно позже алфавитных графем, изначально представляло собой расширение графемного арсенала конкретных текстов: знаки препинания, прежде чем получить широкое распространение, были использованы в отдельном тексте или небольшой группе текстов и лишь впоследствии стали общим признаком письменного текста. Введение графемы *?*, несомненно, имело целью расширение графической системы, однако всеобщего признания этот знак не получил. И если традиционные, конвенциональные знаки препинания являются частью графемного арсенала подавляющего большинства текстов, то нововведения, аналогичные графеме *?*, остаются частью графемного арсенала либо отдельного текста, либо небольшой группы текстов; также они могут получать устойчивое ограниченное распространение, формирующее графическую периферию.

Еще одним примером различий графических арсеналов текстов является использование в русском письме графемы *ѐ*. Хотя графема *ѐ* является частью русского алфавита, в очень значительной части русскоязычных текстов она последовательно заменяется графемой *е*; обязательным ее применение считается только в текстах, адресованных детям и лицам, изучающим иностранный язык, а также в тех случаях, когда возможны разночтения [1; 11]. В результате тексты, в которых графема *ѐ* используется, сосуществуют с текстами, авторы которых от нее отказываются. Отказ от буквы *ѐ* как минимум ведет к изменению функциональной нагрузки графемы *е*, которая в русском письме напрямую зависит от того, применяет ли пишущий графему *ѐ*. Вряд ли целесообразно квалифицировать этот факт как наличие в русском письме двух «алфавитов», в одном из которых буква *ѐ* используется, а в другом отсутствует, – утверждение, что указанные категории текстов используют разные графемные арсеналы, кажется более корректным и уместным.

Радикальным примером формирования графемного арсенала отдельного текста является роман французского писателя Ж. Перека "Disparition" (1969), в котором не используется латинская графема *e* [18, с. 153-154]. Это решение влечет существенные последствия, которые касаются, прежде всего, лексического наполнения произведения: автор, описывая события, вынужден специально подбирать лексемы и перифразы таким образом, чтобы избежать использования графемы *e*, и ситуация осложняется тем, что данная графема во французском письме является самой частотной. В обсуждаемом контексте этот пример представляет интерес как иллюстрация ограничения графемного арсенала отдельного текста, и основной интенцией такого ограничения является языковой эксперимент.

Приведенные примеры показывают, что особый графемный арсенал может быть как признаком единичного текста, так и общим свойством более или менее обширной категории текстов. Это, в частности, позволяет предложить рабочее определение усредненной графической нормы конкретной письменности, под которой следует понимать графемный арсенал, характеризующий максимальное количество текстов.

Таким образом, категория графемного арсенала текста, совокупности графем, которые используются при создании конкретного текста (текстов), представляет собой более гибкий инструмент, позволяющий описывать явления, которые вряд ли могут быть адекватно осмыслены с точки зрения традиционного алфавитоцентричного понимания языковой графики. Такой подход позволяет обращаться к ограниченному набору символов, избираемых автором текста, а не ко всей совокупности существующих графем. Графемный арсенал текста не обязательно совпадает с алфавитом или символами конкретной письменности, может совмещать в себе несколько алфавитов и различные неалфавитные символы, а также формироваться путем исключения отдельных знаков либо посредством введения новых знаков, которые не соответствуют стандартам или ранее не существовали. Графемный арсенал может быть одинаковым для групп текстов; особый графемный арсенал может быть присущ дискурсам. Графемный арсенал текста детерминирован такими дискурсивными факторами, как конкретные потребности, обусловленные замыслом текста (необходимость совмещения разных письменностей, усиление экспрессивности текста при помощи неконвенционального оформления, введение символов для выражения логико-математических операций и т.п.), метаязыковые установки автора (соблюдение нормы, ее нарушение, языковой эксперимент, языковая экономия), жанровая традиция, официальные и институциональные требования, а также условия и средства (инструменты) создания текста, от которых в отдельных контекстах зависит доступность отдельных графемных символов, что ограничивает или расширяет возможности автора. Особыми факторами являются «графическая компетентность» автора, то есть его знание о существовании и функциональной нагрузке определенных графем, и «креативная» составляющая его текстовой деятельности, проявляющаяся в переосмыслении существующих графем. Обращение к графемному арсеналу конкретного текста или группы текстов в контексте дискурсивного анализа способно служить основанием для выводов о действии указанных дискурсивных факторов и, шире, выступать в качестве их диагностического признака.

Список источников

1. **Андык С. А.** Многострадальная буква // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. 2018. № 2 (79). С. 211-213.
2. **Баранов А. Н., Паршин П. Б.** О метаязыке описания визуализаций текста // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2018. Т. 17. № 3. С. 6-15.
3. **Бодуэн де Куртенэ И. А.** Введение в языковедение // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2-х т. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 2. С. 246-293.
4. **Волоцкая З. М., Молошная Т. Н., Николаева Т. Н.** Опыт описания русского языка в его письменной форме. М.: Наука, 1964. 188 с.
5. **Гельб И. Е.** Опыт изучения письма: основы грамматиологии. М.: Едиториал УРСС, 2004. 368 с.
6. **Губина Е. А.** «Усечение» и «расширение» пунктуационной системы в текстах неклассической парадигмы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5 (59). Ч. 2. С. 74-76.
7. **Деррида Ж.** О грамматиологии / пер. с франц. и вступ. статья Н. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. 511 с.
8. **Зализняк А. А.** О понятии графемы // Зализняк А. А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 559-576.
9. **Зиндер Л. Р.** Очерк общей теории письма. Л.: Наука, 1987. 112 с.
10. **Иванова Т. А.** Глаголица: новые гипотезы // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. Т. 56. С. 78-93.
11. **Корбут А. Ю.** Буква, порождающая проблемы // Педагогический имидж. 2017. № 3 (36). С. 71-80.
12. **Кретов А. А., Ядрихинский П. С.** Алфавит как система графем. Часть I. Анализ // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2002. № 3 (27). С. 64-70.
13. **Макарова Р. В.** Понятие графики и графемы // Система и уровни языка: сборник статей. М., 1969. С. 78-89.
14. **Москвин В. П.** Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. 940 с.
15. **Нестеренко С. П.** Графема как объект исследования смыслообразующей роли печатного знака // Языковое бытие человека и этноса. 2002. № 5. С. 74-81.
16. **Савельева Л. В.** Славянская азбука: дешифровка и интерпретация первого славянского поэтического текста // Проблемы исторической поэтики. 1994. № 3. С. 12-31.
17. **Степанов Ю. С.** Несколько гипотез об именах букв славянских алфавитов // Вопросы языкознания. 1991. № 3. С. 23-45.
18. **Тихонова М. П., Андреева А. В.** Липограмма: техника версификации и стилистический прием // Scripta manent. 2014. № 20. С. 145-157.
19. **Трубецкой Н. С.** Основы фонологии. М.: Аспект Пресс, 2000. 352 с.
20. **Фридрих И.** История письма. М.: URSS, 2010. 464 с.

21. Crystal D. Making a point: The pernickety story of English punctuation. N. Y.: St. Martin's Press, 2015. 320 p.
22. Crystal D. The Cambridge Encyclopaedia of Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. VIII+472 p.
23. Eden M. On the formalization of handwriting // Structure of Language and Its Mathematical Aspects: Proceedings in Symposia in Applied Mathematics. Providence: American Mathematical Society, 1961. Vol. XII. P. 83-88.
24. Garfield S. Just my type: A book about fonts. L.: Profile Books, 2010. 352 p.
25. Olson D. R. How writing represents speech // Language & Communication. 1993. Vol. 13. № 1. P. 1-17.
26. Rogers H. Writing Systems: A Linguistic Approach. Oxford: Blackwell, 2005. XVIII+322 p.

TEXT GRAPHEMIC TOOLS AS A CATEGORY OF TEXTUAL AND DISCURSIVE ANALYSIS

Gubina Elena Anatol'evna, Ph. D. in Philology
Southern Federal University, Rostov-on-Don
elena_gubina@mail.ru

The article introduces the category "text graphemic tools", which represents the composition of graphemes used while creating a certain text. Originality of the suggested approach lies in the fact that it allows describing both standard texts and texts with non-conventional graphics (mixture of alphabets, author's original graphemes, reinterpretation of graphemes, etc.). The research findings indicate that text graphemic tools are discursively determined. The following influencing factors are identified: intention of the text, its discursive and stylistic affiliation, genre conventions, author's meta-linguistic intentions, text-formative means, etc.

Key words and phrases: linguistic graphics; grapheme; text graphemic tools; alphabet; discourse.

УДК 81

Дата поступления рукописи: 10.11.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.12.63>

На основе когнитивного подхода проводятся анализ и систематизация медицинских терминов предметной области CYTOLOGIE (ЦИТОЛОГИЯ). Исследование, осуществленное на материале французского языка, позволило рассмотреть медицинские термины как результат категоризации и концептуализации специальных знаний, обладающих интегративными свойствами, обусловленными связью с общенаучным, профессиональным, а также обыденным познанием окружающей действительности. Акцентируется внимание на сближении разговорного и научного стилей в современной медицинской терминосистеме.

Ключевые слова и фразы: термин; категоризация; концептуализация; репрезентация; профессиональное знание.

Давыдова Елена Ивановна, к. филол. н., доцент
Гуляева Евгения Аркадьевна, к. пед. н., доцент
Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
aleliv@rambler.ru; postegea@mail.ru

Бородулина Наталия Юрьевна, д. филол. н., доцент
Тамбовский государственный технический университет
nat-borodulina@yandex.ru

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

Понятие «язык для специальных целей» пришло из англоязычного мира, но отечественные лингвисты активно оперируют аббревиатурами ESP и LSP. В фундаментальных исследованиях, посвященных изучению терминов и терминосистем, используется определение последних как системы лексических средств национального языка, включающей структуру знаний о той или иной научной или профессиональной области, выраженную, главным образом, терминами и профессионализмами [4]. Французские лингвисты прибегают к сходным обозначениям, используя в своей практике термины "langue de spécialité" (язык специальности) или "langues spécialisées" (специальные языки) [7; 11].

Проблеме репрезентации специальных знаний посвящены работы известных языковедов, занимающихся вопросами терминоведения. При этом в последнее время исследования в данной области связываются с использованием опыта, накопленного когнитивной лингвистикой. Отмечается необходимость широкого применения успехов когнитивного подхода, позволяющего описать термины в том виде, в каком они представляются исследователем; демонстрирующего сложность и противоречивость термина; предполагающего изучать внутренние закономерности конкретных свойств термина, способствующих осмыслению новых, глубинных проблем термина, в том числе отношения человека к окружающему миру и его стремления обозначить в языке результаты своего познания [2; 3].

Анализ и систематизация терминов той или иной предметной области в русле когнитивной лингвистики предполагает учитывать результаты деятельности специалиста, заключающейся в концептуализации и вербализации профессиональных знаний [5, с. 150]. Такой подход к изучению проблем терминообразования,